

ВИСОКОСНЫЙ МАЙ

Александр Казанцев

В ПРЕДМАЙСКИЙ солнечный день я ехал по Москве.

Я люблю нашу Москву, ее новые районы с веселым многоглазьем домов, с неразросшимися еще скверами, с щедрой широтой проспектов и дерзкой высотой зданий, достающих облака, и вместе с тем с ее русской стариной и трогательной кризисной переулков.

Можно поражаешься вечному городу Риму, соседству в нем зеркальных витрин, неоновых реклам с затхлым средневековым Ватикана, с монахами и папскими гвардейцами в опереточных формах, в треугольниках и с саблями; можно восхищаться шумным Парижем с его архитектурными ансамблями и камнями мостовых, многоречивых, как страницы истории. Можно признавать за Лондоном бесспорную самобытность города «частных крепостей», где в каждом доме столько подъездов, сколько квартир, причём квартир многоэтажных, где комнаты расположены не рядом, а одна над другой; можно не забыть красавицу Вену, восставшую среди парков из руин, и Берлин с его назидательно сохранившимися развалинами, Амстердам с его четырьмястами мостов (больше, чем в Венеции, но в полтора раза меньше, чем... в Ленинграде), с узенькими многоэтажными домами вдоль каналов, совсем такими, как на старинной площади в Старом Месте в Варшаве, воскрешенной трудолюбием и энтузиазмом варшавян; можно вспомнить и город каменных ущелий, столицу доллара — Нью-Йорк или город малоэтажных белых домов с меньшинством белого населения, провинциально тихий Вашингтон... Можно вспоминать все столицы мира с их бурлящими потоками автомобилей, лондонскими пробками или нью-йоркскими вынужденными стоянками за километр от нужного места, с парижскими кафе со столиками, выходящими на мостовую, или с афинскими брачными кофейнями, где встречаются люди, ищущие женьги, с венскими парками, где венцы арендуют стульчики, и римскими памятниками старины, ставшими своеобразной индустрией, можно вспоминать все соборы, дворцы и музеи столиц мира, которые мне привелось повидать, но ни один город не сравню я с Москвой, с ее пологом площадей, с нашей широтой размаха, полнотой воздуха и света, с неповторимым ощущением стремительного развития, движения вперед, быстрой езды, быстрой ходьбы, захватывающего темпа жизни.

Я люблю свою Москву! ...Я ехал в потоке автомобилей через Манежную площадь, которую в памятный день 12 апреля группа писателей предложила назвать площадью Космонавтов, и увидел, как мне показалось, фюзеляж небольшого самолета... Я успел прочесть

на нем слово «Восток» и начал на тормоза. Промелькнули дюзы реактивного двигателя.

Через будущую площадь Космонавтов везли макет (я готов был поверить, что не макет, а сам звездолет!) космического корабля-спутника «Восток»...

Может быть, миллионы москвичей увидят его на Красной площади. Величиной с автобус, он разворачивался, подъезжая к кремлевской стене.

И этот корабль (или его прототип) несколько дней назад, в канун Первомай, летел среди звезд над синим океаном Земли. Внутри него сидел человек, которого знает весь мир, полюбили люди, видевшие так располагающее к себе его лицо на телеэкранах во многих городах Европы и Америки, где сегодня люди мира снова видят Красную площадь в праздник високосного Мая.

ВИСОКОСНЫЙ МАЙ?

Високосный год отличается от других тем, что у него на один день больше.

А события?..

На первую треть 1961 года их пришлось, пожалуй, столько, что они стоят не одного лишнего календарного дня.

Так началось на земле седьмое десятилетие двадцатого века.

Предидущий, девятнадцатый век был веком великих гуманистов, писателей, художников, музыкантов, подаривших человечеству гениальнейшие произведения коммунизма, был веком великих изобретателей, людей дерзкой, ищущей мысли, продвинувших прогресс гениальными находками в эре пара и электричества, и вместе с тем он был веком расцвета молодого и жадного капитализма, колониального захвата и для многих миллионов людей сменой одного рабства другим.

Двадцатый век перенес человечество словно в иной мир, в иное время далеких тысячелетий, изменил самый характер жизни людей, способы общения, пробудил умы, потряс человечество невиданными катаклизмами. Появились радио, двигатель внутреннего сгорания, автомобиль и самолет, телевидение и электронный «мозг», танки, ядерные бомбы и атомные станции. Скорость передвижения увеличилась от десятка до сорока тысяч километров в час, человек не только помычался по бетонным дорогам, но только взлетел в воздух, догоняя в полете даже Солнце на западе, но и поднялся на корабле «Восток» в космос, оказался среди звезд... До основания потрясен был мир мировыми войнами и великими революциями в России, в Китае, отозвавшимися народными взрывами по всему миру, в результате чего по меньшей мере треть человечества вышла на крутой и прямой путь, ведущий к светлой мечте коммунизма. Седьмое десятилетие двадцатого века — грядущее десятилетие решающего соревнования двух систем, разделивших мир, соревнования мирного, но беспощадного, которое должно показать всему миру путь единственного, желанного, неизбежного.

КЛОКОЧУЩИМ стал первый год десятилетия.

Кипит Африка. Символом свободы и возрождения стало для африканских народов имя Лумумбы. Одна за другой встают во весь рост в Африке страны так называемой «экзотики», нищеты, гордой борьбы за свободу и алчного и жестокого угнетения.

Но древний римский принцип «разделяй и властвуй» жив в оружии у современных колонизаторов. Я пишу эти строки и слушаю радио. Перегрязлись, переставали друг друга предатели стонущего Конго, заклеившие себя перед всем миром преступлениями и пролитой по приказу колонизаторов кровью... А на крайнем юге континента колонизаторы и расисты уже не надевают масок. Исступленно цепляются они в Южно-Африканском Союзе за принци-

пы прошлого века, приговоренные «на слом» ходом самой истории.

Кипит и Азия. Право быть нейтральными народы должны, оказывается, отстаивать с оружием в руках!.. Маленький Лаос стал большой целью, большим примером, схваткой больших сил... Но нет силы большей, чем сила народа, пользующегося симпатией и поддержкой всего мира. Не так просто теперь навязать ему чужую волю, не то теперь десятилетие, не тот век!..

Двадцать лет назад я написал научно-фантастический роман «Пылающий остров», который, к радости моей, и сейчас любят читатели. Это был политический памфлет, предупреждающий против мировой катастрофы, которая могла распространиться на все человечество, вызванная обреченной безрассудностью империализма... Предотвратить эту катастрофу способны были только социалистические страны.

И вот сегодня я смотрю фильм того же названия. «Пылающий остров» — совсем не фантастический, документальный, о героической Кубе, но, по существу, говорящий о том же: о навязываемой империализмом, американским империализмом, катастрофе всему человечеству.

Когда летал над Землей первый советский искусственный спутник Земли, по Южной Америке развезжал в роскошном лимузине бывший тогда вице-президентом США мистер Никсон. Горячие латиноамериканцы побили, камнями стекла его автомашину.

Когда пролетел над земным шаром корабль-спутник с Юрием Гагариным, которого вслед за СССР признала своим героем Чехословакия (быть может, признают своим героем и другие страны, даже вся планета Земля), на латиноамериканском острове Куба страстные революционеры побили уже не камнями, а снарядами, не лимузин, а тяжелые американские танки «Шерман», разгромив полчища наймитов и отщепенцев, отстояв завоевания революции.

В Вашингтоне самый молодой в американской истории президент Кеннеди фактически оказался между памятником президенту Рузвельту, принципы которого он вспоминал в предвыборную кампанию, и фермой бывшего президента Эйзенхауэра, к которому он ездил теперь совещаться по кубинским делам, упуская из виду, что кубинские дела — дела Кубы и в то же время дела всего прогрессивного человечества, громко выразившего свои симпатии народу Пылающего острова.

Кипит и Европа...

Кипит, хоть и дипломатически сдержанный эксперты на Женевском совещании, посвященном запрещению ядерных испытаний. Последовательная, конструктивная позиция советских представителей делает все труднее политику оттяжек и провокаций...

И в Африке, отдаваясь тревожным эхом в Европе, взрываются французские атомные бомбы, тяжелые и неуклюжие, но столь же опасные для населения всей земли, как и более совершенные.

Но Африка действительно становится пороховым погребом мира. Взрывы всякого рода там раздаются один за другим.

Только что там произошел «генеральский взрыв» в Алжире...

Как ни был он пустоголовым, но он потряс встревоженную Францию, пробудил ее прогрессивные силы, перепугал кое-кого не столько фашистской опасностью, сколько готовностью трудового народа отстаивать свои права.

Снова звучала в Париже «Марсельеза», и люди вслушивались в ее святые, тщетно сковываемые казенностью слова.

КИПИТ Европа, взбудоражена Англия, где простой народ не хочет атомных баз на своей территории, не хочет поддерживать бе-

дей, отмечающих свой Первомай!

Пусть поймут люди мира наши стремления, наши тревоги, наши заботы.

Мы отметили высшим признанием — Ленинской премией — триумф Святослава Рихтера, первого пианиста мира.

Мы отметили таким же признанием труд наших хирургов, совершающих чудеса во имя жизни, во имя спасения людей. У нас не умирает человек, даже перестав дышать.

Я знал академика Абрама Федоровича Иоффе, я работал с ним над любимой его проблемой полупроводников, и он не умер ни для меня, ни для всего советского народа, когда ему посмертно присуждена теперь Ленинская премия. Я помню, как самозабвенно, ученый и поэт науки, говорил он о будущем полупроводников, о будущем техники, о грядущем счастье людей. Он никогда не отделял грядущего от счастья. Математически он доказывал, что, крася крыши домов довольно дешевой краской, можно превращать эти крыши в солнечные электростанции, способные снабдить энергией жильцов дома. Полупроводники! Он мечтал о теплорелектровозах, где тепло будет превращаться в электрический ток без вращающихся частей. Он рассказывал, как включил в ленинградском кино звуковую аппаратуру на полупроводниках и все подумали, что приборы перегорели — фона не было!.. Он мечтал, он угадывал, указывал, начинал... Ему присуждена Ленинская премия посмертно, потому что дело его не только живет, но выросло до чудесных размеров, совершило и совершает переворот в технике!..

БУРЕВЕСТИКАМИ коммунизма стали у нас бригады коммунистического труда, цехи, фабрики, заводы, борющиеся за право называться коммунистическими, создающие отношения на производстве, которые будут характерны в грядущем.

Оказывается, фантасты не только пишут книги о будущем, подлинными фантасты создают это будущее сегодня... И разве не почувствуешь себя в будущем, когда сам берешь из груды денег тебе причитающиеся, когда сам принимаешь у себя изделие придирчивее любого ОТК, когда на заводе и дома, в кругу друзей и даже в одиночестве стараешься вести себя так, как будто вести себя люди в грядущем?

Коммунизм наступит не по указу. Он войдет в жизнь, в сознание людей, в их быт и работу сначала маленькими, освежающими каплями весеннего дождя, потом ручейками и, наконец, потоком, подхватывающим корабль общества.

Сегодня мы уже не удивляемся, что нет кондуктора в автобусе, а завтра не удивимся, что будем пользоваться метро и троллейбусом, как пользуемся сейчас лифтом. Мы не удивляемся, что изобретатель или вдохновенный музыкант всего себя отдает любимому труду, даже и не замечая, что это труд. Не удивимся мы, когда это станет привычкой каждому. Не всякий труд так прекрасен? Но скоро у каждого после выполнения общественно необходимого труда останется время и для труда именно для него особенно прекрасного. Писать стихи и рисовать, ваять и изобретать будут не только профессионалы, но и все, и совсем так же естественно, как издревле люди пели, если любил петь. И коль уж представить себе труд в грядущем, так он будет подобен песне!

С ПЕСНЕЙ проходят люди по Красной площади в наш високосный Первомай. Первомай — итог достигнутого, Первомай — преддверие желанного, канун близкого нашего партсъезда, который скажет столь нужное всем слово о коммунизме, о Коммунистической партии, о коммунистах.

На коммунистов, идущих сегодня по Красной площади, смотрит весь мир!

зумные атомные претензии бонских реваншистов, как не хочет того и простой немецкий народ и на востоке, и на западе Германии, который я и там, и тут видел.

Кипит Европа, кипит Америка, а люди этих континентов видят на экранах своих телевизоров всемирную демонстрацию взрыва восторга советских лю-